

ГЛАВА II. Жизнь Прудона в Париже. — Появление первого мемуара о собственности. — Столкновение с Безансонской академией наук. — Суд над Прудоном. — Служба у Готье. — Новые знакомства

Примерно в это время Прудон переехал в Париж. Столица, шумная уличная жизнь, легкомыслие парижского рабочего и его бесшабашное веселье — все это произвело тяжелое впечатление на душу сурового, застенчивого провинциала. Он чувствовал себя не по себе в Париже, его тянуло в Безансон, к друзьям и знакомым.

Подъем духа, вызванный в нем получением стипендии Сюара, сменился неуверенностью в будущем, недовольством условиями жизни и унынием. Знакомых у него в Париже не было, он пробовал сойтись с профессорами, лекции которых ему довелось слушать, но застенчивость и непривычка к светской жизни ставили его в неловкое положение в обществе, и мало-помалу он стал его чуждаться. В своих письмах он жалуется на мрачное расположение духа, на меланхолию, которая в нем все более и более развивается. Парижане ему не нравятся: это народ пустой, неспособный к решению великих задач современности. Быть может, думает Прудон, его земляки из Франс-Конте призваны спасти

человечество и преобразовать весь политический и социальный строй Франции. Только они сохранили свежесть и силу духа, только они способны соединять стремление к высокому идеалу с трезвым реализмом, с любовью к действительной, повседневной жизни.

Тяжелое нравственное состояние Прудона еще более усиливалось из-за материальных затруднений. Он не имел никаких доходов, кроме четырехсот рублей из академии, но и из этих денег большую часть отдавал своей семье. Ему приходилось существовать на полтора ста рублей в год, голодать, отказывать себе во всем необходимом, в то время как вокруг него веселились и жили в роскоши и довольстве. Несколько раз во время его одиноких прогулок по берегу Сены ему приходила в голову мысль покончить со всем и броситься в реку. Одиночество и нищета его угнетали. Он жалел, что оставил свое прежнее ремесло и сделался литератором. В типографии, за своим станком, он был гораздо счастливее. Он пишет Бергману, что его состояние так ужасно, что если бы он внезапно разбогател, то кошмар теперешней нищеты преследовал бы его в течение нескольких лет.

В таком состоянии духа Прудон пишет свою знаменитую книгу о собственности. Он писал ее неровно; временами ему казалось, что труды его напрасны и что ему не удастся преодолеть вражду сытых буржуа и апатию читающей публики. В другие моменты энергия его воскресала, и он верил, что своей книгой спасет Францию.

В Безансоне Прудон искал еще на ощупь свою настоящую дорогу, бросался из стороны в сторону, изучал теологию, языки и метафизику и мечтал быть философом и богословом. Симпатии и впечатления всей его трудовой жизни влекли его в другую сторону, к изучению социальных явлений. Но развитие пошло совершенно случайно; случайно ему пришлось ознакомиться в типографии со многими богословскими сочинениями, он заинтересовался языкознанием. Все это имело мало отношения к той задаче, которую он ставил целью своей жизни, — все это не могло объяснить ему причины бедности на земле и дать орудие для борьбы с нищетой и пороком. В Париже ему случилось прочесть несколько сочинений французских экономистов — Росси, Сэя и других; он заинтересовался незнакомой ему областью знания и в скором времени почувствовал, что его настоящее призвание заключается в исследовании социальных явлений. Интересно следить за его перепиской в то время, когда он писал свой мемуар о собственности, создавший ему известность и более всех последующих сочинений способствовавший тому недоразумению, за которое так много пришлось пострадать ему самому. После знаменитой фразы Прудона «собственность есть кража» читающая публика и правительство стали видеть в нем революционера, опасного врага существующего социального строя. Между тем это была глубокая ошибка. Прудон любил сильные выражения, и в его переписке изобилуют подобные фразы: «Проклятие собственности!», «Я убью в отчаянной схватке собственность и несправедливость» и так далее. Но все это были только страшные слова. В действительности он вовсе не желал какого-либо радикального переворота и отлично мирился с режимом Луи Филиппа. Резкость его стиля достаточно объясняется условиями его жизни, — мы видели, при каких безотрадных обстоятельствах приходилось Прудону писать свой первый мемуар о собственности.

Первое время после напечатания своего мемуара «Что такое собственность?» Прудон был упоен гордостью и надеждой на успех. Он пишет Бергману, что вряд ли какое-либо

открытие имело такое значение для человечества, какое будет иметь его книга. Пусть только ее прочтут — и современный общественный строй погиб навсегда.

Читая подобные заявления, нельзя не улыбнуться наивности молодого автора. Самоуверенность и непоколебимое убеждение в высоком значении своих мыслей составляли всегда его отличительную черту. Впоследствии, однако, жизнь порядком его поизмяла, и когда ему пришлось убедиться, что не так-то легко сразу изменить убеждения человечества, — он стал более осторожен в своих выражениях и перестал предаваться неумеренным надеждам. Но Прудон всегда оставался оптимистом, несмотря на свой сумрачный нрав, раздражительность и суровость, и никогда не терял надежды преодолеть все препятствия и добиться успеха.

В данном случае автору пришлось испытать жестокое разочарование. Почти ни одна газета не поместила отзывов о новой книге; читатели тоже отнеслись к ней довольно холодно, и издатель рисковал потерпеть убыток. Прудон видел в этом заговор молчания со стороны прессы, интриги своих врагов в обществе и печати; в дружеской переписке он наполняет целые страницы жалобами на тупоумие современного читателя, который не имеет своего мнения и ходит на помочах у газетных писак.

Мемуар Прудона произвел больше всего впечатления на Безансонскую академию наук. Легко себе представить, как были удивлены и оскорблены ученые мужи этой книгой, автор которой объявляет академию солидарной с предпринятым им походом против частной собственности. Дерзкого стипендиата вызвали к академическому суду и объявили ему от лица всей академии публичное порицание. Кроме того, имелось в виду лишить его стипендии.

Прудон был несколько встревожен академическими громами и еще более — перспективой лишиться своего главного дохода. Но он не захотел без боя уступить свою позицию и послал в академию длинное защитительное письмо, в котором почтительные выражения искусно перемешиваются с угрозами. Он доказывал, что его доктрины не заключают в себе ничего революционного и что академия повредит самой себе в общественном мнении, возбудивши гонения против свободы научного исследования.

Правительство Луи Филиппа тоже было несколько встревожено мемуаром Прудона и намеревалось преследовать автора в судебном порядке. Грозные тучи, собравшиеся над головой молодого писателя, рассеялись только благодаря вмешательству известного экономиста и члена Парижской академии — Бланки. Бланки представил в Парижскую академию наук довольно сочувственный доклад о вновь появившейся книге; он не соглашался со многими положениями автора и осуждал его резкий стиль, но признавал в новом исследовании о собственности крупные научные достоинства. Безансонская академия не решилась преследовать своего стипендиата за то самое сочинение, которое одобрил Бланки, и Прудон благополучно вывернулся из беды.

Он не забыл услуги, оказанной ему Бланки, и с того времени охотно пользовался всяким случаем, чтобы выразить последнему свое глубокое уважение и благодарность. Можно даже сказать, что благодарность Прудона переходила должные границы, ибо она заставляла его

печатно петь хвалебные гимны Бланки, хотя последний мало чем отличался от других экономистов буржуазного направления, с которыми Прудон вел ожесточенную полемику.

После того, как кончился срок получения стипендии Сюара, Прудон поступил секретарем к одному богатому члену суда, занятому составлением трактата по юриспруденции. Это был неглупый, но совершенно бездарный и необразованный человек, напыщенный и самолюбивый. Секретарь должен был помогать ему при составлении трактата, исполнять всякую черновую работу, которая самому автору покажется неинтересной или обременительной. Новый патрон Прудона был важной особой и относился довольно пренебрежительно к бедному молодому человеку, не имевшему ни состояния, ни положения в свете. Но секретарь умел за себя отомстить и потешался над своим патроном, подсказывал ему такие мысли, от которых этот либеральный буржуа пришел бы в ужас, если бы только был способен понять их значение. В сущности, трактат по юриспруденции писал Прудон своими личными силами, а номинальный автор только соглашался со своим секретарем и приходил в восторг от его изобретательности. При этом Прудон имел свои тайные цели, которые заключались в следующем: он хотел, чтобы написанная им книга вышла за чужой подписью в свет, и когда она будет одобрена буржуазной печатью, в чем, ввиду влиятельного положения ее номинального автора, не могло быть сомнения, тогда коварный секретарь рассчитывал открыть свои карты, развить в особом сочинении свои мысли, сделать выводы из всего того, что было им подсказано патрону, и вдоволь посмеяться над критиками и над автором. До того времени он рассчитывал водить своего патрона за нос и не подавать никакого вида, что трактат по юриспруденции составляется им одним.

Но, как видно, патрон Прудона не был на самом деле так простоват, как считал последний, и они в скором времени разошлись, не окончив труда. Этот эпизод любопытен в том отношении, что он показывает нам некоторые довольно характерные черты Прудона. Он не отличался искренностью и прямоотой в отношениях с людьми. Он был человеком убежденным и, без всякого сомнения, глубоко верил в справедливость всех своих основных положений в области науки и философии. Но в своей личной жизни он был склонен к компромиссам, к таким сделкам, которые иногда не вполне мирились с его принципами.

В это время Прудон много занимается философией, чтобы пополнить свою философскую эрудицию, на недостаточность которой указал ему Бергман. Он читает Канта и очень им увлекается; с французской философией он был более или менее знаком, прослушав в Сорбонне курс лекций по предметам, наиболее его интересовавшим. По своему обыкновению, он предается самым радужным надеждам относительно переворота, который произведут в умах современников его будущие труды. Свои социальные исследования Прудон думает основать на метафизике, под которой, кстати сказать, он понимает не то мнимое знание, которое окрестил этим именем Кант; для Прудона метафизика есть наиболее общая абстрактная система законов, управляющих мирозданием. Он мечтает достигнуть славы Лейбница и Канта, несмотря на все неблагоприятные условия своей жизни, несмотря на то, что жизненный путь этих мыслителей сравнительно с его собственным был усеян розами.

Зная, что в правительственных сферах смотрят на него очень косо, Прудон послал министру внутренних дел Дюшателю два своих первых мемуара о собственности. Второй мемуар был им написан в форме открытого письма к Бланки. По его глубокому убеждению, мысли, которые он развивает в своих произведениях, не заключают в себе ничего такого, что могло бы не понравиться консервативному министру. Он надеется, что министр это поймет и избавит его от тех неприятностей, которыми сопровождалось печатание его первого мемуара.

Вскоре после этого он напечатал открытое письмо к Консидерану, известному ученику и последователю Фурье. Сообщая об этом своим друзьям, Прудон говорит среди прочего, что он в непродолжительном времени перейдет со всем своим добром на сторону правительства. Как бы по некоторой иронии судьбы, через несколько дней после этой фразы правительство возбудило против автора письма к Консидерану судебное преследование.

Прудон оставил в письме к Аккерману очень юмористическое описание этого процесса. Ему приходилось иметь дело со своими старыми врагами — академиками, так как процесс был возбужден в Безансоне под тайным влиянием местной Академии наук. Прокурор произнес громовую речь, обвиняя подсудимого в возбуждении путем печати ненависти к правительству и имущему классу, неуважении к религии и так далее, он требовал, чтобы подсудимый был присужден к уплате значительного денежного штрафа и пятилетнему тюремному заключению. Положение подсудимого было довольно затруднительным: он не мог отрицать тех выражений своей брошюры, на которых было построено обвинение. Нужно было как-нибудь вывернуться. Вот как он сам описывает этот процесс:

«Я защищал себя сам; моя речь длилась два часа. Представьте себе удивление всех этих любопытных, священников, женщин, аристократов и т. д., когда вместо республиканца в красном жилете, с козлиной бородой и замогильным голосом, они увидели маленького блондина со светлым цветом лица, с простой и добродушной физиономией и спокойными манерами, утверждающего, что он обвиняется только по недоразумению со стороны судей, которых он тем не менее одобряет за их усердие; доказывающего, что его идеи нисколько не расходятся с общепринятыми и не только не враждебны правительству, а напротив того, должны быть ему только приятны... Представьте себе, говорю я, человека, обвиняемого в заговоре против существующего строя, который преподносит в виде защитительной речи такой неудобоваримый трактат по политической экономии, что все признались в неспособности что-либо из него понять. Председатель суда заявил: „Этот человек вращается в сфере идей, недоступных для толпы. Мы не можем обвинять на ветер, а кто может поручиться в его виновности?“... Но это не все: обвиненный в том, что я возбуждаю ненависть и презрение к философам, журналистам, чиновникам, депутатам и прочим, я воспользовался этим случаем, чтобы выяснить с научной точки зрения значение этих общественных классов. С самым серьезным видом я сыпал сарказмами, острил, подпускал шпильки и делал очень прозрачные намеки на некоторых особ, сидевших в зале. Это произвело поразительный эффект. Присяжные переглядывались и кусали губы от смеха; судьи смотрели вниз, чтобы сохранить свое достоинство, а публика заливалась хохотом. Я был оправдан при всеобщих аплодисментах, и сами судьи поздравляли меня и пожимали мне руки».

Прудон был очень доволен своей победой. В ней он видел доказательство своей практической ловкости, умения говорить людям в глаза самые горькие истины, не оскорбляя их и не вызывая с их стороны преследований. После этого эпизода Прудон еще более укрепился в мысли, что он может отлично поладить с Июльским правительством.

Однако, заботясь о примирении с властями, он не забывал в то же время искать популярности среди общества и народа. Его очень беспокоит та мысль, что он должен был раскрыть свои карты: должен был показать, что его нападения на собственность не имеют своей целью радикальное и немедленное преобразование этого социального института и что по существу его доктрины не враждебны правительству. Это может уронить его в общественном мнении, может оттолкнуть от него многих глупцов, готовых немедленно кричать о подкупе. Ему бы хотелось вести двойную игру: быть в ладу с правительством и казаться в то же время его противником.

Мы уже говорили, что прямота и искренность не были достоинствами Прудона. В данном случае его поведение может быть прямо названо лицемерным; он обманывает своих читателей ради того, чтобы не потерять популярности. Он не прибегает к сознательной лжи — это было бы уж слишком нехорошо; но он не прочь ввести читателя в заблуждение резкостью тона, темными намеками, недосказанными фразами. Он сам следующим образом определял характер своей деятельности: «Непоколебимость принципов, постоянные сделки с людьми и обстоятельствами». С таким девизом можно примириться, если сделки совершаются ради успеха самого общественного дела, если этого требуют высшие интересы. Но Прудон частенько вступал в сделки со своей совестью под влиянием чисто личных мотивов, например, под влиянием тщеславия, боязни за свою личную безопасность и так далее.

Правда, попытки Прудона одурачить людей, с которыми он общался, редко имели успех, и обыкновенно он сам оставался одураченным. В сущности, он совсем не был практичным человеком и потому до конца жизни не мог мало-мальски сносно устроить свои дела. На первом плане для него всегда стояла идея, и он горячо любил истину, хотя и не совсем бескорыстной любовью. Все это время он жил в Париже, изредка заглядывая на свою родину, во Франш-Конте. Положение его среди парижского общества мало изменилось со времени его приезда в столицу. Он был так же изолирован, так же мало сочувствия встречал и поддержки со стороны столичной прессы и со стороны вожаков общественного мнения. С социалистами и республиканцами Прудон был в открытой вражде; с защитниками июльской монархии он не мог иметь ничего общего ни по своему характеру, ни по своим убеждениям. Он мог высказывать пожелания сблизиться с правительством, но при первом столкновении с людьми правительственной партии ему становилось ясно, какая глубокая пропасть отделяет его от сытых и довольных буржуа, составлявших опору трона Луи Филиппа. У него оставались друзья, но друзья эти были далеко от Парижа, разбросанные по всей Франции. Некоторые из них хорошо устроились: Бергман женился на любимой девушке, был счастлив и пользовался общим уважением в Страсбурге. Другим не повезло: Аккерман не мог ужиться во Франции и переселился в Берлин. Связь между всеми ими поддерживалась только благодаря Прудону. Он сообщает им сведения друг о друге и часто журит их за недостаток дружбы, за то, что новые привязанности мало-помалу вытесняют старые.

Денежные средства Прудона были, по обыкновению, не блестящими. Он зарабатывал немного литературой и продолжал получать небольшие и неверные доходы от своей типографии. Но вообще его материальное положение улучшилось, и ему уже не приходилось испытывать той подавляющей нищеты, которая вскоре после его приезда в Париж доводила его до мысли о самоубийстве.

1842 год прошел для него довольно мирно. После оправдания на суде он менее, чем когда-либо, был склонен к враждебному отношению к правительству. В это время ему было 33 года; он выражал в письмах желание успокоиться и отдохнуть от полемики. Он ищет места при безансонской мэрии; ему хочется вернуться в родной город и всецело отдаться научным занятиям. Ему рисуются мирные картины будущего, спокойное, чуждое всяких увлечений и порывов изучение законов развития человеческих обществ, исследования тех основных принципов, на которых зиждется наша жизнь. Пора ему проститься со своим существованием богемы и занять некоторое положение в свете. Он знает, что в префектуре у него много недоброжелателей. Но правительство должно наконец понять, что в нем лучше иметь своего друга, чем врага. Быть может, ему суждено одновременно быть самым крайним реформатором эпохи — и пользоваться расположением и поддержкой власти.

Как и следовало ожидать, правительство не относилось к Прудону настолько же благосклонно, насколько был благосклонен к правительству последний. Ему отказали в месте, как человеку опасному и не внушающему префектуре доверия. Судьба не позволила Прудону осуществить его скромные идеалы и толкала его на борьбу и лишения.

Под первым впечатлением своей неудачи он пишет Бергману письмо, полное негодования, которое заканчивает следующими словами: «Отвергнутый префектурой и мэром, подозрительный суду, ненавистный духовенству, страшный для буржуазии, без профессии, без состояния и без кредита — вот чего я достиг в 34 года».

Около этого времени он закончил ликвидацию своей типографии, при этом на нем остался долг в 2000 р. Хозяйственные хлопоты не мешали ему работать, и он закончил давно начатое сочинение «Создание порядка в человеческом обществе»; эта книга должна была дать, по мысли автора, философские обоснования всем тем положениям, которые им развивались в мемуарах о собственности. Посвящая ее Бергману, Прудон высказывает сожаление, что его развитие шло неправильно и что он получил исключительно теологически-философское образование. Признание для автора довольно характерное.

В 1843 году в Страсбурге состоялся научный конгресс. Прудон не мог лично принимать в нем участие, но тем не менее живо интересовался его работами. Несмотря на то, что он уже давно перестал заниматься филологией, он не потерял к ней интереса и просил Бергмана сообщить ему подробно, к каким результатам пришел конгресс относительно вопроса, почему в греческом языке имена существительные множественного числа среднего рода согласуются с глаголом в единственном числе. Довольно любопытно, что из всех поставленных конгрессом вопросов Прудона более всего интересовал вопрос специально филологический.

Потеряв типографию, Прудон лишился постоянного, хотя и довольно сурового, источника доходов. Но ему очень кстати подвернулось другое занятие. Его старый друг А. Готье предложил ему заведовать делами своей фирмы, которая занималась транспортировкой леса и каменного угля. Готье был с детства знаком с Прудоном и учился с ним в одном колледже; судьба их разъединила. Но когда его старый друг достиг известности, Готье завязал с ним приятельскую переписку и предложил ему место у себя.

Новое занятие Прудона было очень хлопотливым и оставляло ему мало свободного времени. Целыми днями ему приходилось иметь дело с кочегарами, матросами, комиссионерами и т. п. Он был главным приказчиком и советником своих хозяев. Вначале Прудон был доволен возможностью «увеличить запас своих наблюдений и закончить на опыте курс политической экономии, начатый с Сэя и Смита». С чувством большого удовольствия он описывает свое времяпровождение Аккерману и прибавляет: «Будучи как рабочий раздавлен конкуренцией, я теперь, в свою очередь, содействую тому, чтобы давить других; я имею возможность применить на практике все мои организационные планы и пользуюсь ими, чтобы делать опыты над злонамеренными конкурентами *in anima vili*. Между делом я пишу брошюры по административным вопросам, петиции к министру, запросы префекту, снабжаю разными бумагами министерскую канцелярию, — словом, если бы правительство знало, какого энергичного помощника оно имеет во мне, оно дало бы мне пенсию вместо того, чтобы учреждать за мною полицейский надзор».

В качестве защитника интересов своих хозяев ему часто приходилось выступать в суде, и при этом он проявлял такую ловкость и умение, что некоторые друзья Прудона серьезно советовали ему заняться юриспруденцией. Действительно, по складу своего ума, несколько формального и сухого, он мог бы быть хорошим юристом.

В течение четырех лет, с 1843 по 1847 год, Прудон продолжал заведовать делами фирмы Готье. Под конец его стали утомлять хлопоты по снаряжению судов; кроме того, он не был доволен теми хозяйственными приемами, к которым прибегал его патрон, и они разошлись, несмотря на то, что Готье очень дорожил услугами своего старого друга. Прудон был очень рад освободиться от зависимости и давал в письме к Бергману обещание никогда не служить у знакомых, а тем более у друзей; он хочет, хотя бы на время, быть своим собственным хозяином.

В течение этих четырех лет ему приходилось довольно часто бывать в Париже и иногда жить там по нескольку месяцев. Он познакомился со многими видными представителями экономической науки во Франции; ближе других сошелся с Ж. Гарнье. Вообще, круг его знакомых значительно расширился. К этому времени Прудон уже сделался известным человеком, с мнением которого всем приходилось считаться; о нем знали и говорили не только во Франции, но и за границей.

В сороковых годах во Франции шла оживленная умственная работа, которая несколько напоминала литературное движение прошлого столетия накануне Великой революции. В Париж из всей Европы стекался цвет радикальной и демократической интеллигенции. На поверхности все было мирно и спокойно, и правительство Луи Филиппа казалось прочнее, чем когда-либо; но в обществе и народе все пребывало в движении, все волновалось и

кипело. Создавались всевозможные планы преобразования социального строя, по большей части совершенно утопичные, но проникнутые горячей любовью к человечеству и самым искренним стремлением к добру и свету. Это было время, когда пожилые люди, старики с горячностью юношей рассуждали о судьбах народов и верили в близкое обновление всего человечества. Казалось, могучий порыв идеализма охватил всю старую Европу и близится громадный социальный переворот. Центром этого движения был Париж. Прудон в скором времени ознакомился с кружком добровольных и недобровольных изгнанников, собравшихся в Париже, и с некоторыми из них подружился и сошелся довольно близко.

В числе этих изгнанников находился в Париже и Карл Маркс, впоследствии приобретший громадную известность, а в то время молодой писатель. Вдвоем с Прудоном они проводили долгие ночи в спорах, и, без всякого сомнения, эти споры немало содействовали выработке их собственных взглядов и убеждений, хотя нельзя сказать, чтобы один из них подчинился влиянию другого. Маркс был моложе Прудона, но он обладал громадным преимуществом основательного и систематического научного образования, отсутствие которого было несчастьем последнего. Оба эти человека имели слишком мало общего в своих взглядах, слишком расходились по своей натуре, и между ними не могли установиться дружеские отношения. Впоследствии, после резкой критики К. Марксом «Экономических противоречий» Прудона, всякие сношения между ними были порваны.

В числе новых друзей Прудона мы встречаем молодого немецкого писателя К. Грюна, который оставил очень интересное описание своего знакомства с автором знаменитого трактата о собственности.

«Я его представлял себе, — пишет К. Грюн, — человеком лет сорока, с черными глазами, с недоверчивым видом, с лицом, омраченным заботами и страданием, с тем неизъяснимым выражением добродушия, которое можно было прочесть на лице Ж. Ж. Руссо и Л. Берне. Как я мог представить себе другим этого одинокого, смелого и беспощадного мыслителя и рабочего, этого пролетария, который создает в интересах пролетариата целую науку?

Когда я вошел в комнату Прудона, я увидел довольно крупного мужчину, нервного, не старше тридцати лет, одетого в шерстяную куртку, с деревянными башмаками на ногах. Студенческая комната с одной кроватью; немного книг на полках, на столе номера „National“ и экономических журналов. Не прошло пяти минут, как у нас завязался самый душевный разговор, и я убедился, насколько я был далек от истины, когда предполагал встретить в Прудоне недоверчивое отношение к людям. Открытое лицо, прекрасный лоб, карие глаза, нижняя часть лица несколько массивная и выражающая твердую натуру горных обитателей Юры; дикция энергическая, с несколько деревенским акцентом; язык сжатый и точный, с почти математической правильностью выражений; характер спокойный и уверенный, не лишенный веселости; одним словом, человек, который всегда и везде может за себя постоять».

Грюн и К. Маркс познакомили Прудона с философией Гегеля. Не зная немецкого языка, Прудон не мог прочесть произведений знаменитого философа, учение которого облетело в то время всю Европу; тем не менее, из устных разговоров с друзьями он настолько заинтересовался этой философией, что сделал попытку в своем самом капитальном

сочинении применить диалектический метод Гегеля к построению системы экономических противоречий.

В одном пункте К. Грюн не мог согласиться со своим новым другом, который привел его в восхищение своим решительным характером и независимостью мыслей. Защитник равенства всех людей оказался решительным противником равноправности женщин. К. Грюн теряется в догадках, каким образом такой последовательный человек может быть настолько непоследователен в этом отношении. Впрочем, это обстоятельство не уменьшило уважения к Прудону, которое Грюн почувствовал с первой минуты своего знакомства с ним; он деятельно пропагандировал в Германии сочинения последнего и перевел некоторые из них на немецкий язык.

В то же время Прудон познакомился с Даримоном, который может быть назван его единственным учеником, достигшим некоторой известности; впоследствии они совместно редактировали «La voix du Peuple». Даримон был провинциалом и в 1847 году приехал в Париж для изучения социальных и экономических вопросов; ему случилось обедать с Прудоном в одном ресторане, и он воспользовался случаем, чтобы познакомиться с автором, сочинения которого составляли для него символ веры. Их отношения никогда не были особенно близки, но учитель ценил в своем ученике и сотруднике по газете умение ясно и хорошо передавать его мысли, смягчая все то резкое и имеющее слишком мягкий характер, что составляло и силу и слабость его собственной писательской манеры.

В 1846 году Прудон потерял отца; его мать удалилась в свою родную деревню и умерла там через год. Как и раньше, она получала содержание от сына, который выказывал по отношению к ней постоянную заботливость, исполненную нежности и любви. Ее смерть глубоко его поразила, и он пишет своему другу: «Вот я совсем один, порядком-таки разочарованный, без привязанности, без пристанища. Но сколько бы я себе не повторял, что с тех пор, как я покинул Лион, я не имею больше ни семьи, ни дома, ни положения, я все-таки не могу поверить такому полному одиночеству, не могу примириться с мыслью, что никому нет до меня дела, что у меня нет больше моей старухи-матери».

В это время он написал самое крупное свое произведение «Экономические противоречия, или Философия нищеты». Все его предшествовавшие труды казались ему подготовительными к этому сочинению, значение которого он, по обыкновению, преувеличивал в громадных размерах, — но, наученный горьким опытом, не рассчитывал на немедленный и быстрый успех. Интересно то, что, как можно заключить из его переписки, он и сам не знал тогда, в чем должно состоять примирение противоречий, которые он находит во всех основных экономических категориях. До февральской революции он был только критиком и потому, несмотря на свои выдающиеся научные и литературные дарования, был вне парижской интеллектуальной жизни и пользовался сравнительно незначительным влиянием.

Версия #2

Зверобой создал 15 марта 2025 10:17:31

Зверобой обновил 15 марта 2025 10:28:25